

подзывает Сериласа с другого конца комнаты, чтобы спросить его, идет ли, на его взгляд, ко мне черное платье. В те времена молодые люди не начинали носить черное столь рано, как это принято в наши дни. Однажды Вдовушка принимала гостей в постели. Заметив, что в алькове уже не хватает места, она велела мне сесть к себе на кровать, а моему незадачливому сопернику пришлось потесниться, дабы пропустить меня. Самым скверным было то, что Серилас как-то застал нас в ту минуту, когда она заклеивала мне мушками царапины, нанесенные в соседнем трактире неким нахалом, которому я влепил пощечину за какую-то глупую шутку, сказанную об одном из моих дядей. Вдова собственноручно переписала несколько жалких рондо, которые я сочинил в ее честь (к поэзии меня привела любовь), между тем как Аббат посвятил ей столько прекрасных вещей.* Сестры не ладили между собой; старшая бесцеремонно говорила средней: «Не будь меня, ты бы живой души не выдела». Правда, средняя из сестер как была, так и осталась некрасивой, ибо время не красит, но это не мешало ей быть кокетливой. Мне доставляло порою большое удовольствие глядеть на все ее уловки, когда подле нее находился Тирсис. Сей юноша, желая, быть может, оказать услугу своему брату, оказывал ей некоторое внимание; но, к несчастью, он был убит в первый же год моих любовных увлечений. Этой дуришке в уме не откажешь, но вечно она любила помудрить, и иной раз с языка ее срывалось острое словцо. Младшая могла сморозить и глупость. Так, однажды, желая утешить сестру, у которой дети были некрасивые, она сказала: «Сестрица, что вы хотите? У мышей дети были и родятся. Что до моей Вдовушки, то она была изрядной неженкой; однажды в деревне Лизис, Ренвилле и другие, собравшись на охоту в десять часов утра, плотно позавтракали и, прежде чем отправиться, разрядили свои аркебузы. «Боже мой, где ж тут уснешь? — говорила потом она, — целую ночь только и делали, что стреляли!». Она уверяла, будто сквозь заложенный оконный проем сильно дует и, поскольку там когда-то было окно, проем этот невозможно плотно заделать. Будучи по природе весьма жизнерадостной, она иной раз говорила: «Я собираюсь сказать что-то занятное, а теперь раздумала и ни за что не скажу». Но стоило ее немного растормошить, как она тут же все выкладывала. Время от времени ее обуревали приступы благочестия. Рассказывают, будто, отправляясь однажды вместе с другими дамами на Бурбонские

* Однажды мне передали, что мой соперник отозвался об мне как о молочнице; я написал следующий куплет на модный в ту пору мотив:

Ну что ж, соперник мой, и по сравнению с вами
 Не вышел ростом и годами,
 Но все же вспомните, как был неправ,
 Давида презирая, Голкаф.*

А затем я прочел стихи красавице, которая нашла их весьма забавными.